

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

[Другие книги серии «Рассказы»](#)

Приятного чтения!

Роберт Луис Стивенсон

Сатанинская бутылка

На одном из Гавайских островов жил человек, которого мы будем называть Кэаве, так как, правду сказать, он жив до сих пор, и его настоящее имя должно остаться тайной; родился же он неподалеку от Хонаунау, где в пещере покоятся останки Кэаве Великого. Человек этот был беден, деятелен и храбр, знал грамоту не хуже школьного учителя и слыл к тому же отличным моряком; он плавал и на каботажных судах и водил вельбот у берегов Хамакуа, пока не взбрело ему на ум поглядеть белый свет и чужие города, и тогда он нанялся на судно, уходившее в рейс до Сан-Франциско.

Сан-Франциско — красивый город с красивым портом, и богачей в нем видимо-невидимо, и есть там холм — сплошь одни дворцы. Как-то раз Кэаве, позвякивая монетами в кармане, прогуливался на этом холме и любовался домами по обеим сторонам улицы.

«Какие красивые дома! — думал Кэаве. — И какие, верно, счастливые люди в них живут, не зная забот о завтрашнем дне!»

Так размышлял он, когда поравнялся с домом, который был хоть и поменьше остальных, но нарядный и красивый, как игрушка; ступени крыльца блестели, будто серебряные, живые изгороди походили на цветущие гирлянды, окна сверкали, словно алмазы, и Кэаве остановился, дивясь такому совершенству, открывшемуся его глазам. И, стоя так перед домом, заметил он, что какой-то человек смотрит на него из окна, стекло которого было столь прозрачно, что Кэаве видел этого человека не хуже, чем мы видим рыбу, стоящую в лужице, оставшейся на камнях в час отлива. Человек этот был уже в летах, лыс, с черной бородой; лицо его казалось печальным и хмурым, и он горестно вздыхал. И вот Кэаве смотрел на этого человека, а тот смотрел из окна на Кэаве, и оба они — подумать только! — позавидовали друг Другу.

Вдруг незнакомец улыбнулся, кивнул и, поманив Кэаве, встретил его в дверях дома.

— Мой дом очень красив, — сказал человек с тяжким вздохом. — Не пожелаешь ли ты осмотреть покои?

И он провел Кэаве по всему дому — от погреба до чердака, и все здесь казалось столь совершенным, что Кэаве был поражен.

— Поистине, — сказал Кэаве, — это прекрасный дом.

Жил бы я в таком доме, так, верно, смеялся бы от радости с утра до вечера. А ты вот вздыхаешь, почему бы это?

— И ты тоже, — сказал человек, — можешь иметь дом, во всем схожий с этим, стоит тебе только пожелать. У тебя, надо полагать, есть деньги?

— У меня есть пятьдесят долларов, — сказал Кэаве, — но такой дом должен стоить много дороже.

Человек что-то прикинул в уме.

— Жаль, что у тебя так мало денег, — сказал он. — Это причинит тебе лишние хлопоты в будущем, но тем не менее можешь получить и за пятьдесят долларов.

— Этот дом? — спросил Кэаве.

— Нет, не дом, — отвечал человек, — а бутылку. Видишь ли, должен тебе признаться, что все мое богатство, хоть, может, я и кажусь тебе великим богачом и удачником, — этот дом и этот сад, — все возникло из бутылки величиной чуть больше пинты. Вот она.

И, отперев какой-то шкафчик, он достал оттуда круглую пузатую бутылку с длинным горлышком. Бутылка была из белого молочного стекла, переливавшегося всеми цветами и оттенками радуги. А внутри бутылки светилось и трепетало что-то неуловимое, подобное то тени, то языку пламени.

— Вот она, эта бутылка, — сказал человек и, когда Кэаве рассмеялся, добавил: — Ты не веришь мне? Так испытай ее сам. Попробуй-ка ее разбить.

И тогда Кэаве взял бутылку и стал швырять ее об пол, пока не утомился, но бутылка отскакивала от пола, словно детский мяч, и хоть бы что.

— Удивительное дело, — сказал Кэаве. — Поглядеть да потрогать, так кажется, будто эта бутылка из стекла.

— Она и есть из стекла, — еще горестней вздохнув, отвечал человек, — да только стекло закалилось в адском пламени. В этой бутылке живет черт

— видишь, там что-то движется, словно тень какая-то. Это черт, или так по крайней мере я думаю. Человек, который приобретет другу

бутылку, будет повелевать чертом, и чего бы он отныне себе ни пожелал, все — любовь, слава, деньги, дома, подобные этому, да, да, и даже города, подобные этому, — все получит он по первому своему слову. Наполеон владел этой бутылкой, и она сделала его властелином мира, но потом он продал ее и пал. Капитан Кук владел этой бутылкой, и она открыла ему путь ко многим островам, но и он тоже продал ее, и был убит на Гавайях. Ибо, как только продашь бутылку, сразу лишаешься ее могущественной защиты, и если не удовлетворишься тем, что имеешь, к тебе приходит беда.

— А как же ты сам говоришь, что хочешь ее продать? — спросил Кэаве.

— У меня есть все, чего я могу пожелать, и ко мне подкрадывается старость, — отвечал человек. — Только одного не может сделать черт в бутылке: он не может продлить человеку жизнь. И было бы нечестно утаить от тебя, что у этой бутылки есть недостаток: если человек умрет, не успев ее продать, он обречен вечно гореть в аду.

— Да, уж это и впрямь недостаток, спору нет, — воскликнул Кэаве. — Я бы нипочем не стал связываться с такой чертовщиной. Могу, слава тебе господи, прожить и без дома. А вот накликасть вечное проклятие на свою голову — это уж нет, не согласен.

— Полно, не торопись, зачем так далеко заглядывать вперед, — возразил человек. — Нужно только разумно воспользоваться услугами черта, а затем продать бутылку кому-нибудь еще, как я сейчас продаю ее тебе, и ты закончишь дни свои в покое и довольстве.

— А я вот что примечаю, — сказал Кэаве. — Перво-наперво, ты то и дело вздыхаешь, словно влюбленная девушка, а еще — больно уж дешево продаешь ты эту бутылку.

— Я уже сказал тебе, почему я вздыхаю, — отвечал человек. — Чувствую я, что здоровье мое слабеет, и это меня пугает; ведь ты же сам сказал: никому не охота, померев, отправиться в преисподнюю. А вот почему я так дешево продаю, — тут тебе надо объяснить еще одну особенность этой бутылки. В незапамятные времена, когда Сатана впервые принес бутылку на землю, она стоила неслыханно дорого, и Пресвитер Иоанн, первый, кто ее купил, отдал за нее несколько миллионов долларов. Но дело в том, что эту бутылку нельзя продать иначе, как с убытком для себя. Если ты продашь ее за ту же цену, за какую купил, она снова вернется к тебе, как голубь в голубятню.

Понятно, что цена ее из века в век все падала и теперь уже стала на удивление низкой. Я сам купил эту бутылку у одного из моих богатых соседей и уплатил всего девяносто долларов. Я могу продать ее за восемьдесят девять долларов и девяносто девять центов, но ни на цент дороже, иначе она тут же вернется ко мне обратно... Из-за этого возникают два затруднения: во-первых, когда ты хочешь продать такую диковинную бутылку за какие-нибудь восемьдесят долларов, люди думают, что ты просто шутишь. А во-вторых... Ну, да это потом... Я, собственно, не обязан вдаваться во все подробности. Только учти — бутылка продается лишь за ходячую монету.

— Откуда мне знать, что все это правда? — сказал Кэаве.

— Кое-что ты можешь проверить сразу же, — отвечал человек. — Отдай мне пятьдесят долларов, возьми бутылку и пожелай, чтобы твои деньги возвратились к тебе в карман. Если этого не произойдет, честью тебе клянусь, что буду считать сделку несостоявшейся и верну тебе деньги.

— Ты не обманываешь меня? — спросил Кэаве.

Человек торжественно поклялся, что говорит правду.

— Что ж, пожалуй, я рискну, — сказал Кэаве. — Ведь от этого беды не будет.

И он отдал свои деньги человеку, а человек протянул ему бутылку.

— Ну, черт в бутылке, — промолвил Кэаве, — верни мне мои пятьдесят долларов.

И что же — едва произнес он эти слова, как карман его снова стал так же тяжел, как прежде.

— Это и в самом деле чудесная бутылка, — сказал Кэаве.

— А теперь прощай, приятель! — сказал человек. — Проваливай отсюда, и дьявол с тобой!

— Поймай! — сказал Кэаве. — Хватит с меня этих шуток. На, бери обратно свою бутылку.

— Ты заплатил за нее меньше, чем я, — заметил человек, потирая руки, — и теперь это твоя бутылка. А мне нужно только одно: побыстрее увидеть твою спину. — И с этими словами он позвонил своему слуге-китайцу, и тот выпроводил Кэаве из дома.

Очутившись на улице с бутылкой под мышкой, Кэаве принялся размышлять: «Если все, что этот человек говорил, — правда, я, кажется, опростоволосился. Но, может, он просто дурачил меня?»

Тут Кэаве прежде всего пересчитал свои деньги: ровно сорок девять американских долларов и одна чилийская монета.

«Похоже, что все правда, — сказал себе Кэаве. — Ну-ка, испытаем ее теперь по-другому».

Улицы в этой части города были чистые-чистые, прямо как корабельная палуба, и прохожих — ни души, хотя был уже полдень. Кэаве бросил бутылку в водосточную канаву и зашагал прочь; раза два он оглянулся: пузатая, молочно-белая бутылка лежала там, где он ее оставил. Кэаве оглянулся в третий раз и завернул за угол, но не успел он сделать и шага, как что-то ткнулось в его локоть, и — подумайте! — пузатая бутылка уже оттягивает ему карман бушлата, а узкое горлышко ее торчит наружу.

«Похоже, что и это тоже правда», — подумал Кэаве.

Что же сделал теперь Кэаве? Он купил в лавке штопор и, выйдя из города, направился в безлюдное поле. Там он попытался откупорить бутылку, но сколько ни ввинчивал в пробку штопор, его тут же выпирало обратно, а пробка оставалась цела и невредима.

«Какой-то новый сорт пробки», — подумал Кэаве, и тут он вдруг весь затрясся, как в лихорадке, и покрылся испариной: ему стало страшно.

Шагая обратно в порт, Кэаве увидел лавчонку, где какой-то человек продавал раковины, дубинки дикарей-островитян, старинные монеты, старых языческих божков, китайские и японские рисунки и прочие разные вещицы, которые привозят в своих сундучках матросы. И тут Кэаве осенила новая мысль. Он вошел в лавчонку и предложил хозяину купить у него бутылку за сто долларов. Торговец сначала только посмеялся и предложил Кэаве пять долларов; однако это и в самом деле была занятная бутылка — такого стекла не выдувал ни один стеклодув на земле, ее молочная белизна так красиво переливалась всеми цветами радуги, и такая таинственная тень трепетала у нее внутри... Словом, поторговавшись, как водится, хозяин дал Кэаве шестьдесят серебряных долларов за его бутылку и водрузил ее на полке в самом центре своей витрины.

«Ну вот, — сказал себе Кэаве, — я продал ее за шестьдесят долларов, хотя купил за пятьдесят, а по правде, и того дешевле, — ведь один-то доллар у меня был чилийский. Теперь проверим это дело еще раз».

И Кэаве вернулся на корабль, но когда он отомкнул свой сундучок, бутылка была уже там: она его опередила. А у Кэаве на корабле был дружок, которого звали Лопака.

— Что это с тобой? — спросил Лопака. — Чего ты уставился на свой сундук?

Они были одни в кубрике, и Кэаве, взяв с товарища клятву молчать, поведал ему все.

— Диковинная история, — сказал Лопака. — Боюсь, натерпишься ты горя с этой бутылкой. Одно хоть ясно: ты знаешь, какая беда тебе угрожает. А раз так, надо извлечь пользу из этой сделки. Обдумай хорошенько, что ты хочешь себе пожелать, вели бутылке это сделать, а если она исполнит твою волю, я сам куплю ее у тебя. Потому, как мне давно запала на ум одна мыслишка: хочу заиметь шхуну и заняться торговлей на островах.

— Это не по мне, — сказал Кэаве. — Я хочу иметь красивый дом и сад на побережье Кона, где я родился, и чтобы солнце светило прямо в окна, и в саду цвели цветы, и в окнах были стекла, и на стенах картины, и на столах красивые скатерти и безделушки — словом, совсем, как в том доме, где я был сегодня... И пусть даже мой дом будет на один этаж повыше и со «всех сторон окружен балконами, как королевский дворец, и я буду жить там без забот и веселиться с моими друзьями и родственниками.

— Вот что, — сказал Лопака. — Давай увезем ее с собой на Гавайи, и, если все, чего ты пожелал, сбудется, я куплю у тебя бутылку, как уже сказал, и попрошу себе шхуну.

На том и порешили, и вскоре корабль возвратился в Гонолулу и доставил туда и Кэаве, и Лопаку, и бутылку.

Не успели они сойти на берег, как повстречали на пристани одного знакомого, и тот с первых же слов начал выражать Кэаве сочувствие.

— Не пойму я что-то, почему ты меня жалеешь? — спросил Кэаве.

— Да разве ты ничего не знаешь? — удивился знакомый. — Ведь твой дядюшка... такой почтенный был старик... скончался, и твой двоюродный брат... такой красивый был мальчик... утонул в море.

Кэаве очень опечалился, заплакал, и запричитал, и совсем забыл про бутылку. Но у Лопакки другое было на уме, и, когда скорбь Кэаве поутихла, Лопака сказал:

— А я вот о чем думаю: у твоего дядюшки не было ли землицы на Гавайях, в районе Каю?

— Нет, — сказал Кэаве, — в Каю не было. Был участок на гористом берегу, малость южнее Хоокены.

— Теперь эта земля перейдет к тебе? — спросил Лопака.

— Да, ко мне, — молвил Кэаве и снова принялся оплакивать своих усопших родственников.

— погоди, — сказал Лопака. — Перестань причитать на минуту, мне кое-что пришло в голову. А может, все это наделала бутылка? Потому, как видишь, уже и место готово для твоего дома.

— Ну, если так, — вскричал Кэаве, — хорошенькую же она мне сослужила службу! Кто ее просил убивать моих родственников? А ведь, может, ты и прав — дом-то представлялся мне точнехонько на том самом месте.

— Но дом же еще не построен, — сказал Лопака.

— Нет, да и не похоже, что будет когда-нибудь построен, — сказал Кэаве. — Правда, у дядюшки было немного кофейных деревьев, айвы и бананов, но этого мне только-только хватит на прожитие. А остальной его участок — это просто черная лава.

— Давай-ка сходим к стряпчему, — сказал Лопака. — Все-таки эта мысль не дает мне покоя.

Ну, а когда они пришли к стряпчему, оказалось, что дядюшка Кэаве перед самой смертью вдруг страшно разбогател и оставил после себя целое состояние.

— Вот тебе и деньги на постройку дома! — воскликнул Лопака.

— Если вы намерены построить дом, — сказал стряпчий, — тут у меня есть визитная карточка нового архитектора, его очень хвалят.

— Совсем хорошо! — сказал Лопака. — Смотри-ка, о нас уже позаботились. Надо только слушаться бутылки.

И они отправились к архитектору, а у того уже и чертежи на столе разложены.

— Вы ведь хотите что-нибудь необычное, — сказал архитектор. — А как вам понравится вот это? — И он протянул чертеж Кэаве.

А Кэаве, как только глянул на чертеж, так не удержался и громко ахнул, потому что там был изображен в точности такой дом, какой являлся ему в мечтах.

«Быть этому дому моим, — подумал он. — Знаю, темное это дело и не по душе оно мне, но раз уж я связался с нечистой силой, так пусть хоть не зря».

И он стал объяснять архитектору, чего ему хочется и как надо обставить дом — и про картины на стенах и про безделушки на столах, — а потом спросил его напрямик, сколько это будет стоить.

Архитектор задал Кэаве множество разных вопросов, затем взял перо и принялся вычислять, а покончив с вычислениями, назвал ровнехонько ту сумму, какая досталась Кэаве в наследство.

Лопака и Кэаве переглянулись и кивнули.

«Яснее ясного, — подумал Кэаве. — Хочу не хочу, а быть этому дому моим. Достался он мне от Сатаны и до добра не доведет. Но одно я знаю твердо: пока у меня эта бутылка, я больше никогда ничего себе не пожелаю. А с этим домом мне уже не разделаться, и теперь, куда ни шло, раз связался с нечистой силой, так пусть хоть не зря».

И он заключил с архитектором контракт, и они оба его подписали. А потом Кэаве и Лопака снова нанялись на корабль и поплыли в Австралию, так как уже решили промеж себя ни во что не вмешиваться и предоставить архитектору и черту в бутылке строить дом и украшать его в свое удовольствие.

Плавание их протекало благополучно, только Кэаве все время приходилось быть начеку, чтобы чего-нибудь не пожелать, ибо он поклялся не принимать больше милостей от дьявола. Домой они возвратились в срок. Архитектор сообщил, что дом готов, и Кэаве с Лопаккой сели на пароход «Ковчег» и поплыли вдоль берега Кона, чтобы поглядеть на дом — похож ли он на тот, какой являлся Кэаве в мечтах.

Дом стоял на высоком берегу и был хорошо виден проходящим судам. Вокруг леса вздымались ввысь к самым облакам; внизу потоки черной лавы застыли в ущельях, где покоятся в пещерах останки древних царей. Вокруг дома был разбит цветник, пестревший всеми оттенками радуги, и насажены фруктовые деревья: по одну сторону дома — хлебные, по другую — папайя, а прямо перед домом со стороны моря была водружена корабельная мачта, и на верхушке ее вился флаг. Дом был трехэтажный, с просторными покоем и широкими балконами на каждом этаже. Стекла в окнах были прозрачные, как вода, и светлые, как белый день. В покоях стояла

красивая мебель. На стенах висели картины в золоченых рамах, с изображением кораблей, и сражений, и разных диковинных уголков земли, или портреты самых прекрасных, какие только есть на свете, женщин, и во всем мире не сыскалось бы картин, писанных такими яркими красками, как те, что висели на стенах нового дома Кэаве. А уж бессчетные безделушки были и подавно неслыханно хороши: часы с мелодичным боем, и музыкальные шкатулки, и крошечные фигурки людей с качающимися головами, и изящные замысловатые головоломки для заполнения досуга одинокого человека. А так как кому захочется жить в столь пышных хоромах — разве что пройтись по ним и поглазеть на все, — дом был опоясан широкими-преширокими балконами, на которых могло бы удобно разместиться население целого города, и Кэаве не знал, что же ему предпочесть: то ли заднюю террасу дома, где открывался вид на фруктовые деревья и цветники и легкий ветерок веял с гор, или балкон, украшавший фасад дома, где можно было вдыхать свежий морской ветер и глядеть вниз с откоса на то, как «Ковчег», примерно раз в неделю, держит путь из Хоокены к холмам Пеле или шхуны с грузом леса, айвы и бананов бороздят прибрежные воды.

Осмотрев все, Кэаве и Лопака уселись на задней террасе.

— Ну что? — спросил Лопака. — Так тебе это представлялось?

— У меня нет слов, — сказал Кэаве. — Это даже лучше, чем мои мечты, и я так доволен, что голова идет кругом.

— Одно меня смущает, — сказал Лопака. — Все это могло ведь получиться и само собой, и, может, черт в бутылке тут вовсе ни при чем. Если я куплю бутылку, а потом окажется, что никакой шхуны мне не получить, значит, я сунул голову в пекло совсем зазря. Я дал тебе слово, это верно, но, по-моему, ты должен не поскупишься и сделать для меня еще одну пробу.

— Но я же поклялся не принимать больше никаких даров от бутылки. И так уж я увяз по горло.

— Да я не о дарах вовсе думаю, — отвечал Лопака. — Мне бы только поглядеть на черта. От этого же тебе никакого проку, значит, и совеститься тут нечего. Просто, если я хоть разочек на него гляну, у меня больше будет веры в это дело. Так что уж будь другом, дай поглядеть на черта. А тогда я тут же куплю у тебя бутылку — видишь, деньги у меня наготове.

— Я только вот чего боюсь, — сказал Кэаве. — Черт, может, очень уж страшный с виду, и ты как разок на него поглядишь, так и раздумаешь покупать бутылку.

— Мое слово крепко, — молвил Лопака. — Гляди, я уже и деньги приготовил.

— Ну, идет, — сказал Кэаве. — Мне и самому любопытно поглядеть. Ладно, позвольте нам взглянуть на вас разок, господин черт!

И только он это сказал, как черт выглянул из бутылки и проворно, что твоя ящерица, ускользнул в нее обратно. А Кэаве и Лопака так и окаменели. Уже спустилась ночь, а они все никак не могли опомниться и обрести дар речи. Но вот наконец Лопака пододвинул к приятелю деньги и взял бутылку.

— Я человек честный, — промолвил он, — и должен свое слово держать, а не то я бы и мизинцем ноги не притронулся к этой бутылке. Ну, да ладно, пусть только у меня будет шхуна да несколько монет в кармане, и я тут же отделаюсь от этой чертовщины. Потому как, правду сказать, очень уж тошно мне стало, когда я его увидел.

— Лопака, — сказал Кэаве, — если можешь, не думай обо мне слишком худо. Я знаю, что сейчас ночь, и дорога сюда плохая, и в такой поздний час негоже ехать мимо гробниц, но, ей-же-ей, после того как я увидел его мерзкую рожицу, я уже не могу ни есть, ни спать, ни молиться богу, пока эта бутылка здесь. Я дам тебе фонарь, и корзину, чтобы спрятать в нее бутылку, и любую картину, и любую самую красивую вещь, какая Приглянется тебе в моем доме, но только уезжай поскорей и переночуй в Хоокене у Нахину.

— Кэаве, — сказал Лопака, — любой на моем месте крепко бы на тебя обиделся. Я-то ведь поступил с тобой, как верный друг, — сдержал слово и купил бутылку. А тут еще и ночь уже и темень, а дорога мимо гробниц в сто раз страшнее для человека с таким грехом на со вести и с такой бутылкой под мышкой. Но только меня самого жуть какой страх разбирает, и я не могу тебя винить. Так что ухожу я и молю господу, чтобы ты был счастлив в своем доме, а мне была удача с моей шхуной и чтобы оба мы, окончив наши дни, попали в рай всем чертям и бутылкам вопреки.

И, сказав так, Лопака поскакал под гору, а Кэаве стоял у себя на балконе, и прислушивался к цокоту подков, и смотрел, как мелькает

огонек фонаря на дороге под скалой, где покоится прах древних царей. И, стоя так, он дрожал как лист и, сложив ладони, возносил хвалу господу за свое избавление от такой страшной напасти.

Но занялся день, солнечный и яркий, и Кэаве, восторгаясь новым домом, позабыл про свои страхи. Шли дни за днями, и Кэаве жил в новом доме и не уставал радоваться. Задняя терраса дома стала его излюбленным местечком; здесь он ел, и пил, и проводил все свое время: читал гонолулские газеты и узнавал из них о разных событиях, а когда кто-нибудь навещался к нему, он водил гостей по всем покоям и показывал им картины. И молва о его доме распространилась далеко, и все жители острова Кона стали называть его дом Ка-Хале-Нуи, что значит «Знаменитый Дом», а иной раз называли еще «Сияющий Дом», ибо Кэаве держал слугу-китайца, который день-деньской вытирал в доме пыль и наводил на все глянец, и красивые безделушки, и картины, и стекла в окнах, и позолота — все сияло ярко, как утренние лучи. И сам Кэаве, расхаживая по своим покоям, не мог удержаться, чтобы не петь, так было Переполнено радостью его сердце, а когда мимо его дома проплывали суда, он поднимал флаг на своей мачте.

Так проходило время, и вот однажды Кэаве отправился не далеко, не близко, а в Каилуа проведать кое-кого из своих друзей. Там его знатно потчевали, но наутро он как встал, тотчас пустился в обратный путь и скакал во весь опор, — так не терпелось ему снова увидеть свой прекрасный дом. А было это к тому же в канун той ночи, когда, по древнему преданию, души предков встают из могил и бродят по берегам Коны, и Кэаве, однажды спутавшись с чертом, вовсе не хотел попасть теперь в компанию мертвецов. Вот скачет он, уже оставил позади Хонауану и вдруг видит: далеко впереди в море, у самого берега, купается какая-то женщина. Показалось ему, что это молодая, но уже вполне созревшая девушка, но больше он не держал ее в мыслях. Скачет дальше, а в воздухе мелькнула белая рубашка, затем — красная юбка-холоку: это девушка одевалась, выйдя из воды. Когда же он поравнялся с ней, она уже закончила туалет и стояла в своей красной юбке у самой дороги, освеженная купанием, и глаза ее лучились, и была в них доброта. И тут Кэаве, как только взглянул на девушку, сразу натянул поводья.

— Думал я, что всех знаю в этих краях, — сказал Кэаве. — Почему же я не знаю тебя, как это так?

— Я Кокуа, дочь Киано, — отвечала девушка, — и только что возвратилась домой из Оаху. А кто ты?

— Я скажу тебе, кто я, — сказал Кэаве, соскочив с седла, — но не сейчас, а немного позже. Потому что мне запала на сердце одна мысль, но я боюсь, что ты не дашь мне правдивого ответа, если я скажу тебе, кто я: ведь ты, может статься, уже слышала обо мне. Но перво-наперво скажи-ка вот что: ты не замужем?

Услыхав это, Кокуа громко рассмеялась.

— Все-то ты хочешь знать, — сказала она. — А сам ты не женат?

— Нет, Кокуа, я не женат, — отвечал Кэаве, — и, признаться, до этой минуты никогда и не помышлял о женитьбе. Но скажу тебе истинную правду: я увидел тебя здесь, у дороги, увидел твои глаза, подобные звездам, и сердце мое рванулось к тебе, как птица из клетки. А теперь, если я не хорош для тебя, скажи мне это прямо, и я поеду дальше своим путем; но если я, на твой взгляд, не хуже других молодых мужчин, дай мне услышать это, и я сверну со своего пути и заночую у твоего отца, а наутро поведу о тебе речь с этим добрым человеком.

Ничего не ответила ему на это Кокуа, только рассмеялась, глядя на море вдаль.

— Кокуа, — молвил Кэаве, — твое молчание я понимаю как согласие. Так отправимся же вместе в дом твоего отца.

И она, все так же молча, пошла вперед: раза два она обернулась, кинула на него быстрый взгляд и отворотилась снова, держа тесемки своей шляпы в зубах.

Но вот, когда подошли они к дому, Киано вышел на веранду и громко приветствовал Кэаве, назвав его по имени. И тогда девушка взглянула на Кэаве, широко раскрыв глаза, ибо молва о его прекрасном доме достигла и ее слуха, и как же тут не поглядеть. Весь вечер провели они вместе и очень веселились, и у девушки в присутствии родителей развязался язык, и она подшучивала над Кэаве, ибо у нее был сметливый и острый ум. А на следующий день Кэаве переговорил с Киано, а потом разыскал девушку и нашел ее одну.

— Кокуа, — сказал он, — ты насмеялась надо мной вчера весь вечер, и тебе еще не поздно сказать мне: оставь меня и уезжай. Я не

хотел говорить тебе, кто я, потому что у меня такой красивый дом, и я боялся, что этот дом будет слишком сильно занимать твои мысли, а человек, который тебя любит, — слишком мало. Теперь тебе все известно, и если ты хочешь прогнать меня с глаз долой, скажи сразу.

— Нет, — сказала Кокуа.

И на этот раз она уже не смеялась, а Кэаве ни о чем больше не спрашивал.

Так посватался Кэаве к Кокуа. Все произошло очень быстро, но ведь и стрела летит быстро, а пуля из ружья — и того быстрее, однако и та и другая могут попасть в цель. Да, все свершилось быстро, и вместе с тем свершилось очень многое: мысль о Кэаве теперь пела у девушки в душе; его голос слышался ей в шуме прибоя, набегавшего на черную лаву, и ради этого человека, которого она видела всего два раза в жизни, Кокуа уже готова была оставить и отца, и мать, и родные края. А Кэаве? Кэаве гнал коня по горной тропе мимо древних гробниц, и звуки его ликующей песни эхом отдавались в пещерах мертвецов. И, прискакав обратно в свой «Сияющий Дом», он все еще продолжал петь. Он сидел и ужинал на просторном балконе, а китаец-слуга дивился на своего господина, который распевал между глотками пищи. Солнце погрузилось в море, и настала ночь, а Кэаве все разгуливал при свете фонарей по балконам своего дома на высоком берегу, и звук его песен тревожил моряков на проплывавших мимо судах.

«Я поднялся высоко-высоко, — говорил себе Кэаве. — Жизнь не может стать прекрасней; я стою на вершине горы; отсюда нет пути вверх — только вниз. Сегодня я впервые велю осветить все комнаты, и искупаюсь в моем красивом бассейне с горячей и холодной водой, и один возлягу на брачное ложе в своей спальне».

И он поднял ото сна своего слугу-китайца и отдал ему приказ растопить печи, и слуга, трудясь внизу возле топок, слышал, как его хозяин весело распевает наверху в своих освещенных покоях. А когда вода нагрелась, слуга позвал хозяина, и Кэаве пошел купаться, и китаец-слуга слышал, как он пел, напуская воду в мраморный бассейн, и как песня внезапно оборвалась. Китаец-слуга все прислушивался и прислушивался, а потом окликнул снизу хозяина и спросил, все ли у него в порядке, и Кэаве ответил «да» и велел ему ложиться спать. Но

больше не звучало пение в «Сияющем Доме», и всю ночь до зари китаец-слуга слышал, как его хозяин рассказывает без сна по балконам.

А теперь послушайте, что произошло: когда Кэаве скинул одежды, чтобы искупаться, он заметил, что у него на теле, подобно лишайнику на скале, появилось пятно, и тогда он перестал петь. Ибо он знал, что означает это похожее на лишайник пятно; он понял, что пал жертвой «Китайской напасти», или, проще говоря, проказы.

Что говорить, такой недуг — большое несчастье для каждого. Горька судьба того, кто должен покинуть красивый, удобный дом, покинуть всех своих друзей и переселиться на северный берег острова Молокаи, где о неприступные утесы, грохоча, разбивается прибой. Но что же сказать про этого несчастного, про Кэаве, который только накануне повстречал свою суженую, только сегодня утром завоевал ее ответную любовь, а теперь видел, как все его надежды разлетаются вдребезги, словно кусок стекла!

Долго сидел он на краю бассейна, а потом горестно вскрикнул, вскочил и выбежал вон; и долго еще метался туда и сюда, туда и сюда по балкону в великом отчаянии.

«Не сетуя на судьбу, покинул бы я Гавайи — родину моих предков, — думал Кэаве. — Не ропща, покорился бы я своей участи и оставил бы мой дом, этот прекрасный, многооконный дом на высоком берегу. Не пал бы я духом, отправляясь на Молокаи, в эту Калаупапу, затерянную между утесов и скал, чтобы влачить свои дни и ночи среди пораженных страшным недугом и там, вдали от земли отцов, уснуть вечным сном. Но за какие злые дела, за какие грехи должен был я вчера вечером встретить Кокуа, выходящую из моря, освеженную купанием? Кокуа, похитительница души моей! Кокуа, свет моих глаз! Никогда не увидеть мне теперь тебя, никогда не назвать своей, никогда не ласкать влюбленной рукой, и только об этом, только о тебе, о Кокуа, скорблю я безутешно!»

Вы понимаете теперь, что за человек был этот Кэаве? Ведь он мог бы жить в своем «Сияющем Доме» еще годы и годы, и никто бы не подозревал о его недуге; но на что ему это, если он должен лишиться Кокуа. А ведь он мог бы и Кокуа взять в жены, скрыв свою болезнь, и многие поступили бы именно так, ибо у них души свиней; но Кэаве любил девушку беззаветно, как подобает мужчине, и не мог подвергнуть ее опасности и причинить ей зло.

Уже перевалило за полночь, и вдруг Кэаве вспомнил про бутылку. Тогда он прошел на заднюю террасу дома и вызвал в памяти тот день, когда на его зов черт выглянул из бутылки. И при этом воспоминании ледяной холод пробежал у Кэаве по жилам.

«Страшная вещь — эта бутылка, — думал Кэаве, — и страшен черт, и страшно вечно гореть в адском пламени. Но как иначе могу я излечиться от своего недуга и взять в жены Кокуа? Что ж, — думал он, — ради этого дома я не побоялся связаться с дьяволом, так неужто у меня не хватит духа снова прибегнуть теперь к его помощи, чтобы получить Кокуа?»

И тут он вспомнил, что на следующий день «Ковчег» как раз будет проплывать мимо обратным рейсом в Гонолулу.

«Вот куда должен я немедля отправиться, — подумал Кэаве, — и повидать Лопаку. Ведь вся моя надежда теперь — разыскать эту бутылку, от которой я так был рад избавиться когда-то».

Ни на миг не сомкнул Кэаве глаз в эту ночь, и наутро кусок не шел ему в горло; он тут же написал письмо Киано и к прибытию парохода спустился верхом по тропинке, огибавшей скалу, где покоился прах предков. Лил дождь, конь шел шагом, а Кэаве смотрел на черные пасти пещер и завидовал мертвецам, которые спали там, не ведая ни тревог, ни печали, и вспоминал, как всего день назад весело гнал он тут коня, и трудно ему было в это поверить. Так добрался он до Хоокены, а там уже, как повелось, отовсюду собрался народ в ожидании парохода. Все расположились под навесом перед лавкой, перебрасывались шуточками, обменивались новостями, но Кэаве, с его тяжким грузом на сердце, было не до болтовни, и он, сидя вместе со всеми, смотрел на дождь, поливавший крыши, и на прибой, бурливший между скал, и тяжелые вздохи вздымали его грудь.

— Кэаве из «Сияющего Дома» сегодня не в духе, — переговаривались люди между собой. И они были правы, да и как могло быть иначе?

А затем пришел пароход, и лодка доставила Кэаве на борт. На корме было полно хаоле — белых, приехавших по своему обычаю поглядеть на вулкан; вся середина парохода была заполнена канаками, а нос загружен дикими быками из Хило и лошадьми из Каю. Но Кэаве, убитый горем, сидел в стороне от всех и ждал, когда на берегу появится дом Киано. Там, у самого моря, среди черных скал, стоял он

под сенью кокосовых пальм, а перед дверью его красная юбка, величиной с бабочку и, как бабочка, хлопотливая, порхала туда и сюда, туда и сюда.

— О властительница сердца моего! — вскричал Кэаве. — Я сгублю свою бессмертную душу, чтобы обрести тебя!

Вскоре стемнело, в каютах зажглись огни, и хаоле по своему обычаю уселись играть в карты и пить виски, но Кэаве всю ночь шагал по палубе и весь следующий день, пока пароход огибал Мауи и Молокаи, он все так же метался по палубе из конца в конец, словно дикий зверь в клетке.

Под вечер они миновали Алмазный Мыс и причалили в гавани Гонолулу. Кэаве вместе с толпой пассажиров сошел на берег и сразу же принялся разыскивать Лопаку. Но Лопака, как выяснилось, приобрел шхуну — такую, что краше не сыщется на островах, — и пустился куда-то в дальнее плавание — не то в Пола-Пола, не то в Кахики — словом, ищи ветра в поле! Но тут Кэаве вспомнил про одного приятеля Лопакки — стряпчего, проживавшего в этом городе (я не стану называть его имени), и осведомился о нем. Ему сказали, что стряпчий этот внезапно очень разбогател и купил себе красивый новый дом на берегу Вайкики. Это сообщение заставило Кэаве призадуматься; он кликнул извозчика и поехал к дому стряпчего.

Дом был новехонький, и деревья в саду еще крохотные, не толще тросточек, и у стряпчего, когда Кэаве пришел к нему, был очень довольный вид.

— Чем могу быть полезен? — спросил Кэаве стряпчий.

— Вы друг Лопакки, — отвечал Кэаве, — а Лопака купил у меня одну вещицу, так сдастся мне, что вы могли бы мне помочь напасть на ее след.

Лицо стряпчего омрачилось.

— Не стану притворяться, будто я не понял вас, мистер Кэаве, — сказал он, — хотя дело это темное и неблагоприятное. Но, поверьте, я ничего не знаю наверняка, могу только догадываться кое о чем и думаю, что если вы поспрашиваете кое-где, то, может быть, и узнаете кое-что.

И он назвал Кэаве имя одного человека, которое я опять же предпочитаю не предавать гласности. И так повторялось изо дня в день, и Кэаве ходил от одного человека к другому и всюду видел новые

одежды, и новые экипажи, и новые красивые дома, и очень довольных людей; однако лица их тотчас становились темнее тучи, стоило Кэаве обмолвиться про дело, которое привело его к ним.

«Ясно как день — я напал на след, — думал Кэаве. — Все эти наряды и экипажи — дары Сатаны, а довольные лица этих людей говорят о том, что они, получив свое, благополучно отделались от проклятой бутылки. Вот если я увижу бледные щеки и услышу тяжкий вздох, тогда только буду я знать, что приблизился к цели».

И случилось так, что Кэаве в конце концов направили к одному белому, проживавшему на Беритания-стрит. Кэаве пришел туда, когда наступил час вечерней трапезы, и, подойдя ближе, увидел, как всегда, новый дом, и молодой сад, и сверкающие электрическими огнями окна, но, когда появился хозяин дома, надежда и страх сжали сердце Кэаве, ибо перед ним стоял юноша, бледный, как мертвец, с черными впадинами глаз и редящими волосами, а выражение лица у него было, как у осужденного на казнь.

«Нет сомнений — бутылка здесь», — подумал Кэаве, и перед этим человеком он не стал скрывать цели своего посещения.

— Я пришел купить бутылку, — сказал он.

Услыхав эти слова, белый юноша с Беритания-стрит пошатнулся и прислонился к стене.

— Бутылку? — пролепетал он. — Купить бутылку?! — Тут у него сдавило горло, и, схватив Кэаве за руку, он потащил его в комнату, взял два стакана и наполнил их вином.

— Ваше здоровье! — сказал Кэаве, который в свое время немало якшался с белыми. А затем добавил: — Да, я пришел купить бутылку. Какая ей цена теперь?

Тут юноша выронил стакан и уставился на Кэаве, как на привидение.

— Цена? — воскликнул он. — Цена? Вы что, не знаете ее цены?

— Значит, не знаю, раз спрашиваю, — возразил Кэаве. — Но почему это вас так смутило? Разве что-нибудь неладно с ценой?

— Бутылка за это время сильно упала в цене, мистер Кэаве, — запинаясь, проговорил молодой человек.

— Ну что ж, значит, тем меньше придется платить, — сказал Кэаве. — Сколько вы за нее отдали?

Молодой человек был бледен как полотно.

— Два цента, — промолвил он.

— Что? — вскричал Кэаве. — Два цента? Постойте, так вы, значит, можете ее продать только за один цент? И тот, кто ее купит... — Слова замерли у Кэаве на языке. — Значит, тот, кто купит эту бутылку, уже никому не сможет ее продать! Черт и бутылка останутся у него до самой его смерти, а когда он испустит дух, потащут его прямо в пекло!

Тут белый юноша с Беритания-стрит упал перед Кэаве на колени.

— Богом вас заклинаю, купите ее! — взмолился он. — В придачу к ней я отдам вам все, что имею. Я был безумен, когда купил ее за эту цену. Я присвоил казенные деньги, и мне бы пропадать, не купи я эту бутылку, — меня бы посадили в тюрьму.

— Ах ты, бедняга! — сказал Кэаве. — Чтобы избежать законного наказания за свой бесчестный поступок, ты отважился на такое страшное дело и погубил свою душу! И ты думаешь, я стану колебаться, когда меня ждет любовь! Давай сюда бутылку и сдачу — я знаю, ты держишь ее наготове. Вот тебе монета в пять центов!

Кэаве оказался прав: в ящике стола у этого юноши уже была приготовлена сдача. Бутылка перешла из рук в руки, и лишь только пальцы Кэаве обхватили узкое горлышко, как он тут же шепотом поведал черту свое желание избавиться от страшного недуга. И что вы думаете: когда он вернулся к себе и обнажил свое тело перед зеркалом, кожа его снова была чистой и гладкой, как у младенца. Но странная вещь: едва свершилось это чудо, как все изменилось в душе Кэаве — ему уже было наплевать на проказу, и он почти совсем не вспоминал о Кокуа, одна-единственная мысль не давала ему теперь покоя — мысль о том, что отныне он связан с дьяволом и бутылкой до конца дней своих и ничто уже не спасет его от вечного пламени и раскаленных углей преисподней. Адский огонь пылал перед его мысленным взором, и душа его омертвела, и мрак затмил для него весь белый свет.

Когда Кэаве понемногу пришел в себя, была уже ночь, и в гостинице играл оркестр. На звуки этой музыки он и пошел, потому что боялся оставаться один, и там, среди счастливых лиц, бродил, неприкаянный, и слушал, как музыка то разрастается, то замирает, и смотрел, как дирижер отбивает такт своей палочкой, и все время слышал треск адского пламени, и видел огненные языки, вырывающиеся из черных глубин преисподней. Вдруг оркестр заиграл

«Хи-ки-ао-ао». Эту песенку Кэаве певал не раз вместе с Кокуа, и при звуках ее мелодии мужество возвратилось к нему.

«Сделанного не воротишь, — подумал Кэаве, — и если уж я пошел на такое, так пусть хоть не зря».

И тогда он с первым пароходом вернулся на Гавайи и тут же без промедления сыграл свадьбу с Кокуа и привез ее в свой «Сияющий Дом» на вершине горы.

И вот стали Кэаве и Кокуа жить вдвоем, и когда они бывали вместе, тоска в сердце Кэаве утихала, но стоило ему остаться одному, и страшные мысли начинали его терзать, и он слышал, как гудит адское пламя, и видел огненные языки, вырывающиеся из преисподней. А девушка прилепилась к Кэаве всем сердцем; душа ее пела при виде его, и рука ее льнула к его руке, и была Кокуа так прекрасна от головы до пят, что никто, глядя на нее, не мог сдержать радостной улыбки. У нее был кроткий, приятный нрав. Для каждого находилось доброе слово. Она знала много песенок и распевала, словно птичка, порхая по всем трем этажам «Сияющего Дома» и сияя сама ярче всего, что было в нем. И Кэаве смотрел на нее и слушал ее с восхищением, а потом, уединившись где-нибудь в углу, вспоминал, какой ценой досталась она ему, и стонал, и плакал. И снова, осушив глаза и ополоснув лицо, шел к ней, и садился возле нее на просторном балконе, и сливал свой голос с ее голосом в песне, и улыбкой отвечал на ее улыбку, хотя душу его снедала тоска.

Но мало-помалу наступили дни, когда Кокуа уже не порхала, как прежде, по дому, и песни ее звучали реже, и теперь не только Кэаве плакал украдкой где-нибудь в углу, но и оба они стали сторониться друг друга и сидели на разных балконах, разъединенные всей громадой «Сияющего Дома». Кэаве был так погружен в отчаяние, что почти не замечал этой перемены и был только рад, что может чаще оставаться один и размышлять над своей горькой участью и не надо ему то и дело принуждать себя улыбаться через силу, когда на сердце мрак. Но как-то раз он тихо брел по дому, и почудилось ему, будто плачет ребенок, и он увидел Кокуа: упав ничком, она билась головой о каменные плиты балкона и рыдала в безысходном отчаянии.

— Ты права, Кокуа, это дом слез, — сказал Кэаве. — И все же я с радостью дал бы отрубить себе голову, чтобы ты, хотя бы ты, была счастлива.

— Счастлива! — воскликнула Кокуа. — Когда ты жил один в своем «Сияющем Доме», Кэаве, все считали тебя самым счастливым человеком на острове; — смех и песни были у тебя на устах, и лицо твое было светло, как утренняя заря. А потом ты женился на бедной Кокуа, и одному небу известно, чем не угодила она тебе, но только с этого дня ты уже больше не улыбаешься. Ах, — вскричала Кокуа, — что сделала я дурного? Думалось мне: я красива и крепко люблю своего Кэаве. Так в чем же моя вина? Чем омрачила я жизнь моего супруга?

— Бедняжка Кокуа, — промолвил Кэаве. Он опустился возле нее на пол и хотел взять ее за руку, но она отдернула руку. — Бедняжка Кокуа, — повторил он. — Бедное мое дитя... Моя красавица. А я-то ведь думал уберечь тебя от горя! Ну что ж, теперь ты узнаешь все. Тогда по крайней мере ты пожалеешь бедного Кэаве; тогда ты поймешь, как сильно он любил тебя, если не испугался ада, чтобы обладать тобой, и как сильно и по сей день этот несчастный, обреченный человек все еще любит тебя, если его уста могут улыбаться, когда он на тебя глядит.

И тут он поведал ей все, ничего от нее не утаив.

— И ты сделал это ради меня? — вскричала Кокуа. — Ах, о чем же мне тогда тревожиться! — И, обвив руками его шею, она оросила его грудь слезами радости.

— О дитя! — воскликнул Кэаве. — Когда я думаю об адском пламени, мне есть о чем тревожиться!

— Не говори так, — промолвила она. — Не можешь ты погибнуть без вины за одну лишь любовь к верной Кокуа. Слушай меня, Кэаве: я спасу тебя вот этими руками или погибну вместе с тобой. О Кэаве! Ты так любил меня, что сгубил свою душу, и ты думаешь, я не отдам свою жизнь, чтобы спасти тебя?

— Ах, моя голубка, ты можешь отдать ее хоть сто раз — разве это что-нибудь изменит? — воскликнул Кэаве. — Только оставишь меня в одиночестве влачить свои дни, пока не придет час расплаты.

— Ты ничего не понимаешь, — возразила Кокуа. — Я не простая, неграмотная девушка — я училась в школе в Гонолулу. Говорю тебе, я спасу моего возлюбленного супруга. Один цент, сказал ты? Но разве одни только американские деньги в ходу на свете? В Англии, например, есть монета, которая называется фартинг, и она равна

примерно половине цента. Ах, горе, горе! — воскликнула Кокуа. — Нет, это нам не поможет: ведь тот, кто купит бутылку за фартинг, уже пропал, а разве сыщется хоть один такой отважный человек, как мой Кэаве! Но есть еще Франция, и там имеет хождение мелкая монета под названием сантим, и этих сантимов дают пять, не то шесть за один цент. Ничего лучше не придумаешь. Собирайся. Кэаве, едем на французские острова. Сядем на корабль, и он быстро доставит нас на Таити. А там уже можно продать бутылку за четыре сантима, за три, за два, за один сантим. Подумай: есть возможность еще четыре раза продать бутылку, и нас двое, чтобы заняться этим! Ну же, поцелуй меня, мой Кэаве, и прогони тревогу прочь. Кокуа не даст тебя в обиду.

— Ты божий дар! — воскликнул Кэаве. — Не верю я, чтобы господь бог мог покарать меня за то, что я возжелал обрести такое сокровище! Пусть же все будет, как ты сказала: вези меня, куда надумала, вручаю тебе свою жизнь и свое спасение.

С утра Кокуа начала собираться в дорогу; она взяла сундучок Кэаве, который он брал с собой в плавание, и прежде всего запихнула в угол на самое дно бутылку, а сверху положила самые дорогие одежды и самые диковинные безделушки, какие были в доме.

— Ведь нас должны считать богачами, — сказала она, — иначе кто же поверит в волшебную бутылку?

Собираясь в путь, Кокуа все время была весела, как птичка, и лишь порой, когда она украдкой поглядывала на мужа, слеза мутила ее взор, и тогда, подбежав к нему, она нежно его целовала. А у Кэаве будто камень с души свалился; теперь, когда он открыл свою тайну Кокуа и перед ним забрезжил луч надежды, он словно возродился; ноги его опять легко ступали по земле, и он уже больше не вздыхал. Но все же страх не совсем оставил его; временами надежда начинала угасать в нем, подобно тому, как гаснет на ветру слабый огонек свечи, и тогда перед глазами его снова бушевало адское пламя и колыхались огненные языки.

Они тут же распустили слух, что отправляются для развлечения путешествовать в Штаты, и все немало этому удивились, но дознайся кто-нибудь до истины, так, верно, удивился бы еще больше. И вот Кэаве и Кокуа отплыли на пароходе «Ковчег» в Гонолулу, а оттуда вместе с толпой белых пассажиров на «Юматилле» — в Сан-Франциско и там пересели на почтовую бригантину «Птица

тропиков», которая доставила их в Папеэте — главное поселение французов на Южных островах. Путешествие было приятным, и с попутным пассатом они прибыли на место в солнечный день и увидели риф, о который разбивался прибой, и Мотуити с его высокими пальмами, и шхуну, скользившую вдоль берега, и белые дома города, раскинувшегося у самого моря под сенью зеленых деревьев, а за ним — высокие горы и облака Таити — острова мудрецов.

Обсудив, порешили, что разумнее всего арендовать дом. Так они и сделали и поселились напротив английского консульства, чтобы сразу щегольнуть деньгами и привлечь к себе внимание своими лошадьми и экипажами. Все это давалось им легче легкого: ведь у них была бутылка, а Кокуа оказалась куда храбрее Кэаве и по любому поводу требовала от черта то двадцать долларов, а то и сто. Так они очень быстро сделались известными всему городу, и об этих приезжих гавайцах, об их верховых лошадях и экипажах, о нарядных туалетах и дорогих украшениях Кокуа шло множество толков.

Они довольно быстро освоились с таитянским языком, ибо он, в сущности, очень похож на гавайский и отличается лишь немногими звуками, а научившись им владеть, тут же принялись предлагать людям свою бутылку. Ну, вы, конечно, понимаете, что даже приступить к такому делу не очень-то просто; не очень-то просто убедить людей, что вы всерьез готовы продать им за четыре сантима источник юношеского здоровья и неиссякаемого богатства. Приходилось при этом говорить и об опасностях, таящихся в бутылке, после чего люди либо вовсе переставали им верить и только смеялись, либо пугались такой темной сделки, мрачнели и угрюмо спешили прочь от этих Кэаве и Кокуа, связавшихся с Сатаной. И вот, нисколько не преуспев в своих замыслах, супруги стали замечать, что в городе их сторонятся. Дети, завидя их, с визгом бросались врассыпную — а для Кокуа это было прямо как нож острый, — католики при встрече осеняли себя крестным знаменем, и мало-помалу все, точно сговорившись, стали их избегать.

Они пали духом. Проведя унылый день в тоске, они сидели ночью без сна в своем новом доме и не обменивались ни единым словом; лишь рыдания Кокуа порой внезапно нарушали тишину. Иногда они принимались молиться богу; иногда, достав бутылку, ставили ее на пол и целый вечер сидели так, глядя, как трепещет внутри нее бесформенная тень. В такие минуты страх мешал им лечь в постель, и сон долго не смыкал их глаз, а если случалось, что один из них и задремлет, то, пробудившись, он слышал приглушенный плач, доносившийся из темноты, или же замечал, что остался в одиночестве, ибо каждый из них стремился убежать из дома, подальше от бутылки, предпочитая побродить под бананами в своем маленьком садике или прогуляться по берегу моря при свете луны.

Так вот и случилось однажды ночью: Кокуа пробудилась, а Кэаве не было. Она пошарила подле себя, но его место успело остыть. Ей стало страшно, и она приподнялась и села на ложе. В щели между ставнями пробивался слабый свет луны. Он освещал комнату, и Кокуа различила бутылку, стоявшую на полу. За окнами бушевала непогода, высокие деревья перед домом уныло скрипели под ветром, и опавшие листья шелестели на полу веранды. Но в этом шуме ухо Кокуа уловило и другие звуки — жалобные, словно предсмертные, стоны не то человека, не то животного, и они проникли ей в самое сердце. Она тихонько встала, приотворила дверь и выглянула в залитый луной сад. Там, под банановым деревом, уткнувшись лицом в землю, лежал Кэаве, и из груди его вырывались стенания.

Хотела было Кокуа броситься к мужу и утешить его, но внезапно новая мысль приковала ее к месту. Кэаве всегда старался быть мужественным в ее глазах, и, значит, не пристало ей в минуту его слабости стать свидетельницей его стыда. Эта мысль заставила ее возвратиться в дом.

«Боже праведный! — думала Кокуа. — Как беспечна я была, как ничтожна! Ведь это ему, а не мне, грозит геенна огненная; ведь это он, а не я, навлек проклятье на свою душу. Ради меня, ради своей любви к такому жалкому, беспомощному созданию, видит он теперь перед собой — о горе! — огненные врата ада и, лежа на свежем ветру в лунном сиянии, вдыхает смрадный дым преисподней! А я-то, тупая и бесчувственная, до сих пор не понимала, в чем мой долг! А может, и понимала, да шарахалась от него? Но теперь, пока еще не поздно, своей рукой принесу я свою душу на жертвенник любви; теперь я скажу „прощай!“ белым ступеням, ведущим в рай, и поджидающим там меня дорогим друзьям. Любовь за любовь, и да будет моя любовь равна его любви! Душу за душу, и пусть гибнет моя, а не его!»

Кокуа была женщиной ловкой и проворной и оделась в мгновение ока. Затем она взяла мелкие монетки — те драгоценные сантимы, которые они всегда держали наготове; монет этих мало находилось в обращении, и они запаслись ими в банке. Когда Кокуа вышла на улицу, ветер уже нагнал на небо тучи, и они затмили луну. Город спал, и Кокуа не знала, в какую сторону ей направиться, но тут она услышала, что в тени под деревьями кто-то кашляет.

— Старик, — сказала Кокуа, — что ты здесь делаешь в такую ненастную ночь?

Старика душил кашель, и он с трудом мог говорить, но все же Кокуа разобрала, что он беден, и стар, и чужой в этих краях.

— Не можешь ли ты оказать мне услугу? — спросила Кокуа. — Ты здесь чужой, и я чужая; ты стар, а я молода. Окажи помощь дочери Гавайев.

— А, так это ты колдунья с восьми островов! — сказал старик. — И ты хочешь завлечь в свои сети душу даже такого старика, как я? Но я уже слышал о тебе и не боюсь твоих злых чар.

— Сядем здесь, — сказала Кокуа, — и позволь, я расскажу тебе одну быль. — И она поведала ему все, что случилось с Кэаве, от начала до конца.

— И вот, — сказала она, — я его жена, и чтобы получить меня, он погубил свою бессмертную душу. Так что же мне теперь делать? Если я сама попрошу его продать мне бутылку, он не согласится. Но если это предложишь ему ты, он с великой охотой продаст ее тебе. А я буду ждать здесь. Ты купишь бутылку за четыре сантима, а я куплю ее у тебя за три, и да поможет бог мне, несчастной!

— Если ты меня обманешь, — сказал старик, — пусть господь покарает тебя смертью.

— Пусть покарает! — вскричала Кокуа. — Не сомневайся, старик! Я не могу тебя предать: господь этого не допустит.

— Дай мне четыре сантима и жди меня здесь, — сказал старик.

Однако, оставшись на улице одна, Кокуа оробела. Ветер завывал в верхушках деревьев, и ей казалось, что она слышит, как бушует адское пламя; уличный фонарь отбрасывал колеблющиеся тени, и ей казалось, что это тянутся к ней жадные руки нечистого. Будь у нее силы, она бросилась бы бежать, закричала бы, но у нее перехватило дыхание; воистину не могла она ни крикнуть, ни двинуться с места и стояла посреди улицы, дрожа, как испуганный ребенок.

И тут она увидела, что старик возвращается и в руке у него бутылка.

— Я исполнил твою просьбу, — сказал старик. — Твой муж плакал от радости, как малое дитя, когда я от него уходил. Эту ночь он будет спать спокойно. — И с этими словами старик протянул Кокуа бутылку.

— Постой, — задыхаясь, промолвила Кокуа. — Раз уж ты связался с нечистой силой, так пусть хоть не зря. Прежде чем ты отдашь мне бутылку, прикажи ей исцелить тебя от кашля.

— Я старый человек, и негоже мне, стоя одной ногой в могиле, принимать милости от дьявола, — сказал старик. — Ну, что же ты? Почему не берешь бутылку? Ты что, раздумала?

— Нет, я не раздумала! — воскликнула Кокуа. — Просто я слаба. Обожди еще немного. Рука моя не подымается, — и я вся дрожу от страха перед этой проклятой бутылкой. Повремени еще немного, дай мне собраться с духом.

Старик с сочувствием поглядел на Кокуа.

— Бедное дитя! — сказал он. — Тебе страшно, твое сердце чувствует беду. Ладно, я оставлю бутылку себе. Я стар, и мне уже не ждать радости на этом свете, ну, а на том...

— Дай мне ее! — вскричала Кокуа. — Возьми деньги. Как ты мог подумать, что я способна на такую низость? Отдай мне бутылку.

— Да благословит тебя бог, дитя! — сказал старик.

Кокуа спрятала бутылку под холоку, попрощалась со стариком и пошла по улице куда глаза глядят. Ибо для нее все пути были теперь едины — все вели в ад. Она то шла, то бежала; порой горестный ее вопль громко раздавался в ночи, а порой она лежала на земле у дороги и тихо плакала. Все, что она слышала о преисподней, вставало перед ее глазами; она видела огненные языки пламени, вдыхала запах серы и чувствовала, как тело ее опалает жар раскаленных углей.

Только на рассвете опомнилась она и возвратилась домой. Все было именно так, как сказал старик: Кэаве спал, словно младенец в колыбели. Кокуа стояла и смотрела на него.

«Теперь, мой супруг, — думала она, — настал твой черед спокойно спать. И петь и смеяться, когда проснешься. Но для бедной Кокуа, хотя она и не причинила никому зла — увы! — для бедной Кокуа не будет больше ни сна, ни песен, ни радости — ни на земле, ни на небесах».

И Кокуа легла на ложе рядом со своим супругом, и так истомила ее печаль, что она тут же погрузилась в глубокий сон.

Солнце стояло уже высоко, когда супруг разбудил Кокуа и сообщил ей великую весть. Он, казалось, совсем помешался от радости, ибо даже не заметил ее горя, как ни плохо умела она его скрывать. Слова не шли у нее с языка, но это не имело значения: Кэаве говорил за

двоих. Кусок застревал у ней в горле, но кто заметил это? Кэаве один очистил все блюдо. Кокуа смотрела на него и слушала его словно во сне; порой она забывала на миг о том, что произошло, а порой ей начинало казаться, что ничего этого не было, и она прикладывала руку ко лбу. Кокуа знала, что она обречена на вечные муки, и слышать, как ее муж лепечет всякий вздор, словно малое дитя, было ей непереносимо тяжело.

А Кэаве все ел, и болтал, и строил планы, мечтая поскорее возвратиться домой, и благодарил Кокуа за то, что она его спасла, и ласкал ее, и называл своей избавительницей. И он насмехался над стариком, который был так глуп, что купил бутылку.

— Мне показалось, что это вполне достойный старик, — сказал Кэаве. — Но никогда нельзя судить по внешности. Зачем этому старому нечестивцу понадобилась бутылка?

— Быть может, у него были добрые намерения, супруг мой, — смиренно возразила Кокуа.

Но Кэаве сердито рассмеялся.

— Вздор! — воскликнул он. — Говорю тебе, это старый плут да вдобавок еще осел. И за четыре-то сантима эту бутылку было трудно продать, а уж за три и подавно никто не купит. Опасность слишком велика! Бр! Тут уж пахнет паленым! — вскричал он и передернул плечами. — Правда, я и сам купил ее за один цент, не подозревая о том, что существует более мелкая монета. А потом мучился, как дурак. Но второго такого дурака не сыщется; тот, у кого теперь эта бутылка, утащит ее с собой в пекло.

— О мой супруг! — сказала Кокуа. — Разве не ужасно, спасая себя, обречь на вечные муки другого? Мне кажется, я не могла бы над этим смеяться. Я была бы пристыжена. Мне было бы горестно и тяжело, и я стала бы молиться за несчастного, которому досталась бутылка.

Но тут Кэаве, почувствовав правду в ее словах, рассердился еще пуще.

— Ишь ты какая! — вскричал он. — Ну и горюй себе на здоровье, если тебе так нравится. Только разве это подобает доброй жене? Если бы ты хоть немного сочувствовала мне, ты бы устыдилась своих слов.

И, сказав так, он ушел из дому, и Кокуа осталась одна.

Как могла она надеяться продать бутылку за два сантима? Да никак; и она это понимала. И даже если бы у нее еще теплилась такая

надежда, так ведь супруг торопил ее с отъездом туда, где в обращении не было монеты мельче цента. Она принесла себя в жертву, и что же? На следующее же утро супруг осудил ее и ушел из дому.

Кокуа даже не пыталась использовать оставшееся у нее время; она просто сидела одна в доме и то доставала бутылку и с неизъяснимым страхом смотрела на нее, то с содроганием убирала ее прочь.

Но вот наконец возвратился домой Кэаве и предложил жене поехать покататься.

— Мне нездоровится, супруг мой, — отвечала Кокуа. — Прости, но у меня тяжело на душе и нет охоты развлекаться.

Тут Кэаве разгневался еще больше. И на жену разгневался, решив, что она печалится из-за старика, и на себя, потому что видел ее правоту и стыдился своей неумной радости.

— Вот она — твоя преданность! — вскричал он. — Вот она — твоя любовь! Муж твой едва избежал вечных мук, на которые он обрек себя из любви к тебе, а ты даже не радуешься! У тебя вероломное сердце, Кокуа!

И Кэаве в ярости снова выбежал из дома и слонялся по городу целый день. Он повстречал друзей и бражничал с ними. Они наняли экипаж и поехали за город и там бражничали снова. Но Кэаве все время было не по себе из-за того, что он так беззаботно веселится, когда его жена печалится. В душе он понимал, что правда на ее стороне, и оттого, что он это понимал, ему еще больше хотелось выпить.

А в компании с ним гулял один старик хаоле, очень низкий и грубый человек. Когда-то он был боцманом на китобойном судне, потом бродяжничал, потом мыл золото на приисках и сидел в тюрьме. У него был грязный язык и низкая душа; он любил пить и спаивать других и все подбивал Кэаве выпить еще. Вскоре ни у кого из всей компании не осталось больше денег.

— Эй, ты! — сказал он Кэаве. — Ты же богач — сам всегда хвалился. У тебя есть бутылка с разными фокусами.

— Да, — сказал Кэаве. — Я богач. Сейчас пойду домой и возьму денег у жены — они хранятся у нее.

— Ну и глупо ты поступаешь, приятель, — сказал боцман. — Кто же доверяет деньги бабам! Они все неверные, все коварные, как текучая вода. И за твоей тоже нужен глаз да глаз.

Слова эти запали Кэаве в душу, потому что у него спьяну все путалось в голове.

«А почему я знаю, может, она и вправду мне неверна? — думал он. — С чего бы ей иначе впадать в уныние, когда я спасен? Ну, я ей покажу, со мной шутки плохи. Пойду и поймаю ее на месте преступления».

С этой мыслью Кэаве, возвратившись в город, велел боцману ждать его на углу, возле старого острога, а сам направился один к своему дому. Уже настала ночь, и в окнах горел свет, но из дома не доносилось ни звука, и Кэаве завернул за угол, тихонько подкрался к задней двери, неслышно отворил ее и заглянул в комнату.

На полу возле горящей лампы сидела Кокуа, а перед ней стояла молочно-белая пузатая бутылка с длинным горлышком, и Кокуа глядела на нее, ломая руки.

Кэаве прирос к порогу и долго не мог двинуться с места. Сначала он просто остолбенел и стоял как дурак, ничего не понимая, а затем его обуял страх: он подумал, что сделка почему-либо сорвалась и бутылка вернулась к нему обратно, как было в Сан-Франциско, и тут у него подкосились колени и винные пары выветрились из головы, растаяв, как речной туман на утренней заре. Но потом новая, очень странная мысль осенила его и горячая краска залила щеки.

«Надо это проверить», — подумал он.

Кэаве осторожно притворил дверь, снова тихонько обогнул дом, а затем с большим шумом зашагал обратно, делая вид, будто только сейчас возвратился домой. И что же! Когда он отворил парадную дверь, никакой бутылки не было и в помине, а Кокуа сидела в кресле и при его появлении вздрогнула и выпрямилась, словно стряхнув с себя сон.

— Я весь день пировал и веселился, — сказал Кэаве. — Я был с моими добрыми друзьями, а сейчас пришел взять денег — мы хотим продолжать наше пиршество.

И лицо и голос его были мрачны и суровы, как страшный суд, но Кокуа в своем расстройстве ничего не заметила.

— Ты поступаешь правильно, супруг мой, ведь здесь все твое, — сказала она, и голос ее дрогнул.

— Да, я всегда поступаю правильно, — сказал Кэаве, подошел прямо к своему сундучку и достал деньги. Но он успел заглянуть на

дно сундучка, где хранилась бутылка, и ее там не было.

И тут комната поплыла у него перед глазами, как завиток дыма, и сундучок закачался на полу, словно на морской волне, ибо Кэаве понял, что теперь погребло все и спасения нет.

«Так и есть, этого я и боялся, — подумал он. — Это она купила бутылку».

Наконец он пришел в себя и собрался уходить, но капли пота, обильные, как дождь, и холодные, как ключевая вода, струились по его лицу.

— Кокуа, — сказал Кэаве. — Негоже мне было так говорить с тобой сегодня. Сейчас я возвращаюсь к моим веселым друзьям, чтобы пировать с ними дальше. — Тут он негромко рассмеялся и добавил: — Но мне будет веселее пить вино, если ты простишь меня.

Она бросилась к нему, обвила его колени руками и поцеловала их, оросив слезами.

— Ах! — воскликнула она. — Мне ничего не нужно от тебя, кроме ласкового слова!

— Пусть отныне ни один из нас не подумает дурно о другом, — сказал Кэаве и ушел.

А теперь послушайте: ведь Кэаве взял лишь несколько сантимов — из тех, какими они запаслись сразу по приезде. Никакой попойки у него сейчас и в мыслях не было. Его жена ради него погубила свою душу, и теперь он ради нее должен был погубить свою. Ни о чем другом на свете он сейчас и не помышлял.

Боцман поджидал его на углу, возле старого острога.

— Бутылкой завладела моя жена, — сказал ему Кэаве, — и если ты не сможешь мне раздобыть ее, не будет больше у нас с тобой сегодня ни денег, ни вина.

— Да неужто ты не шутишь насчет этой бутылки?

— Подойдем к фонарю, — сказал Кэаве. — Взгляни: похоже, чтобы я шутил?

— Что верно, то верно, — сказал боцман. — Вид у тебя серьезный, прямо как у привидения.

— Так слушай, — сказал Кэаве. — Вот два сантима. Ступай к моей жене и предложи ей продать тебе за эти деньги бутылку, и она — если я хоть что-нибудь еще соображаю — тотчас же тебе ее отдаст. Тащи бутылку сюда, и я куплю ее у тебя за один сантим. Потому что такой

уж тут действует закон: эту бутылку можно продать только с убытком. Но смотри не проговорись жене, что это я тебя прислал.

— А может, ты меня дурачишь, приятель? — спросил боцман.

— Ну пусть так, что ты на этом теряешь? — возразил Кэаве.

— Это верно, приятель, — согласился боцман.

— Если ты мне не веришь, — сказал Кэаве, — так попробуй проверь. Как только выйдешь из дому, пожелай себе полный карман денег, или бутылку самого лучшего рому, или еще чего-нибудь, что тебе больше по нраву, и тогда увидишь, какая сила в этой бутылке.

— Идет, канак, — сказал боцман. — Пойду попробую. Но если ты решил потешиться надо мной, я тоже над тобой потешусь — вымбовкой по голове.

И старый китобой зашагал по улице, а Кэаве остался ждать. И было это неподалеку от того места, где Кокуа ждала старика в прошлую ночь; только Кэаве был больше исполнен решимости и не колебался ни единого мгновения, хотя на душе у него было черным-черно от отчаяния.

Долго, как показалось Кэаве, пришлось ему ждать, но вот из мрака до него донеслось пение. Кэаве узнал голос боцмана и удивился: когда это он успел так напиться?

Наконец в свете уличного фонаря появился, пошатываясь, боцман. Сатанинская эта бутылка была спрятана у него под бушлатом, застегнутым на все пуговицы. А в руке была другая бутылка, и, приближаясь к Кэаве, он все отхлебывал из нее на ходу.

— Я вижу, — сказал Кэаве, — ты ее получил.

— Руки прочь! — крикнул боцман, отскакивая назад. — Подойдешь ближе, все зубы тебе повышибаю. Хотел чужими руками жар загребать?

— Что такое ты говоришь! — воскликнул Кэаве.

— Что я говорю? — повторил боцман. — Эта бутылка мне очень нравится, вот что. Вот это я и говорю. Как досталась она мне за два сантима, я и сам в толк не возьму. Но только будь спокоен, тебе ее за один сантим не получить.

— Ты что, не хочешь ее продавать? — пролепетал Кэаве.

— Нет, сэр! — воскликнул боцман. — Но глотком рома я тебя, так и быть, попотчую.

— Но говорю же тебе: тот, кто будет владеть этой бутылкой, попадет в ад.

— А я так и так туда попаду, — возразил моряк. — А для путешествия в пекло лучшего спутника, чем эта бутылка, я еще не встречал. Нет, сэр! — воскликнул он снова. — Это теперь моя бутылка, а ты ступай отсюда, может, выловишь себе другую.

— Да неужто ты правду говоришь! — вскричал Кэаве. — Заклинаю тебя, ради твоего же спасения продай ее мне!

— Плевать я хотел на твои басни, — отвечал боцман. — Ты меня считал простофилей, да не тут-то было — видишь теперь, что тебе меня не провести. Ну, и конец, крышка. Не хочешь хлебнуть рому — сам выпью. За твое здоровье, приятель, и прощай!

И он зашагал к центру города, а вместе с ним ушла из нашего рассказа и бутылка.

А Кэаве, словно на крыльях ветра, полетел к Кокуа, и великой радости была исполнена для них эта ночь, и в великом благоденствии протекали с тех пор их дни в «Сияющем Доме».

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «Рассказы»](#)